

Фаворитка

Автор:

Наталья Павлищева

Фаворитка

Наталья Павловна Павлищева

Новая серия женской любовно-исторической фантастики! Наша современница при дворе короля Людовика XIII. Красавица из будущего становится знаменитой фавориткой, покорительницей сердец, последней любовью кардинала Ришелье.

Каково современной женщине в «немытой Европе» XVII века, где «невыносимая легкость бытия» может в любой момент оборваться от болезни или по королевскому капризу? Удастся ли ей найти любовь и женское счастье в эту роскошную и безжалостную эпоху, когда политика вершится в спальнях и на балах, кровь дешевле духов, а красота опаснее мушкетерских шпаг? Как ей выжить в лабиринте дворцовых интриг, тайных заговоров и коварных измен, где ревность становится смертным приговором, за ночь любви нередко приходится расплачиваться жизнью, в каждом бокале может таиться яд, а за любой портьерой – наемный убийца?..

Наталья Павлищева

Фаворитка

© Павлищева Н., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Для того чтобы что-то поставить с ног на голову, надо твердо знать, где у этого что-то голова, а где ноги.

Льюис Кэрролл

Загадочный Арман

О блошиных рынках Парижа не знают только те, кто вообще не знает о существовании такого города.

На блошиных рынках Парижа не бывали лишь те, для кого Париж просто точка на карте, мечта небесно-голубого цвета или пустой звук.

Я не относилась ни к одной из этих категорий. Родилась далековато от Парижа в... какая разница где? Главное, к началу своих сумасшедших приключений знала Париж со всеми его достоинствами и недостатками явными и скрытыми, магазинчиками, кафе, рынками обычными и блошиными лучше линий собственной ладони.

Обожаю старую часть города без новомодных зданий и сооружений. Даже Эйфелеву башню ненавижу, потому что таковой не было ни в XVI, ни в XVII, ни даже в XVIII веках, а теперь вот, полюбуйте – своими металлическими ножищами символизирует Париж. Какой Париж она символизирует? Только не мой! Потому что мой – это Париж мушкетеров, прекрасных дам и галантных кавалеров, звона шпаг и времен, когда Лувр был королевской резиденцией, а не сборищем любопытных туристов, которым непременно нужно «отметиться» перед «Джокондой», поскольку без этого Париж не Париж.

В общем, я ненормальная, как говорит одна из подружек, впрочем, с откровенной завистью. Но Льюис Кэрролл утверждал, что в нашем мире ненормальные все. Из этого следует, что я как все? Категорически не согласна.

Предстоял двухнедельный отпуск, причем в полном одиночестве. М-м-м... какое это удовольствие!

Считаете, что проводить отпуск в одиночестве нелепо? Я же говорила, что я не как все.

Но для меня одиночество вовсе не заброшенный охотничий домик на севере Канады или плот в океане. Я поступила иначе, объявила всем, что уезжаю на две недели к бабушке в Нью-Йорк, что в Пуату-Шаранта, купила черный парик, просторный плащ кислотно-зеленого цвета, сделала недельный запас продуктов в холодильнике и вознамерилась:

а) выходные провести в черном парике, темных очках и ядовито-зеленом плаще (вообще-то, я блондинка и ненавижу анилиновые оттенки) на своем любимом блошином рынке, с головой окунувшись в бескрайний мир антикварных чудес;

б) обложившись книгами, остальные дни недели смаковать читанные-перечитанные и новые романы о Париже моих обожаемых Людовиков – XIII, XIV, XV и... нет, XVI, пожалуй, не стоит. Французская революция, хотя и Великая, явно не то.

В следующие выходные поход на Ле Пюс в непривычной экипировке следовало повторить и снова «залечь» с книгами на диван.

Глупо? Ну и пусть, каждому свое, господа, каждому свое...

Все не заладилось уже с пятницы.

У моей кузины и заодно школьной подружки Жаклин в субботу свадьба, счастливая невеста визжала в трубку, что я обязана быть свидетельницей. Это означало, что ночь придется провести в машине, потом поспать пару часиков и с больной головой два дня приторно улыбаться, изображая радость от того, что Жаклин станет законной супругой толстяка Ренэ и выполнит свою миссию по воспроизводству коренных французов.

Можно поехать поездом, но это мало что меняло, пришлось бы пересаживаться и от станции все равно брать такси.

Выбор невелик, поехала на своей машине, надеясь, что сославшись на дела на работе, уже в воскресенье улизнуть от созерцания счастья молодоженов, и хотя бы утром в понедельник оказаться на Ле Пюсе, где блох, конечно, давным-давно нет, разве что золотых и подкованных.

И снова незадача, папа жениха, восхищенный моей фальшивой улыбкой, кажется, вознамерился превратить подружку невесты в её мачеху, а потому вырваться на свободу удалось только ранним утром понедельника. Не рискнув отправляться в путь, не поспав хоть часик, проспала три и проснулась в девять, за четверть часа приняла душ, побросала вещи в сумку, чмокнула в щеку спящую бабушку и села за руль.

Для тех, кто не знает: от Ньора в Пуату-Шаранта до Сент-Уана, где находится самый большой блошинный рынок Парижа Порте де Клиньянкур, в просторечье Ле Пюс, то есть «Блоха», минимум четыре сотни километров, преодолеть которые после двухдневных свадебных торжеств не так-то просто.

Я спешила, очень спешила (остальные, те, что ехали передо мной, наоборот, забыли, что современные автомобили способны двигаться быстрее пешеходов), но на Ле Пюс добралась за час до закрытия. В понедельник блошинный рынок работает до половины шестого.

Тут уж не до переодеваний в зеленые плащи, бросилась на рынок Дофин в чем была. Почему туда? На Дофине торгуют всем подряд, если времени мало, а вернее, совсем ничего, лучше туда, в развалах может попасться на глаза что-то интересное.

Но если торопиться, пробегая ряды, то и найти ничего не найдешь, и удовольствия не получишь, потому мысленно махнула рукой и уткнулась носом в первый же стол, привлекая внимание. Час пролетел незаметно, владелец явно собирался уходить, он уже складывал все остальное, позволив разглядывать то, что попало на глаза. Я почти сразу нашла изящную статуэтку времен мадам Помпадур – Севрский фарфор, знаменитый «бисквит». И совсем недорого.

Хозяин улыбнулся:

– У вас хороший вкус. А это вам в подарок...

Он протянул несколько сложенных листов, явно старинные письма. Я приняла, не желая обижать продавца, старинные письма не дарят, значит, это подделка, но сказать старику, значит, оскорбить его. Продавец действительно выглядел как какой-нибудь ученый века этак семнадцатого, но что-то подсказывало, что прикид простая бутафория, и он куда моложе, чем старается казаться.

– А вот это, если возникнут какие-то вопросы.

Его визитка вовсе не нужна, но пришлось взять. Станный тип, потому, кривовато улыбаясь, поторопилась, что называется, откланяться.

Дома пристроила статуэтку, полюбовалась на нее и отправилась смывать с себя свадебную суматоху. Честное слово, было ощущение, что двухдневная праздничная суета налипла на кожу, как дорожная грязь.

Решив, что ни за что не пойду замуж, а если такое и случится, то никаких свадеб устраивать не буду, свежeweымытая и умиротворенная уселась с книжкой в кресле и вдруг вспомнила о подарке странного продавца.

Визитка просто насмешила. Ах ты, господи, какие мы важные! «Арман де Ла Порт...» Ну, тогда стоит вспомнить, что я Плесси, между прочим, имеющая право на «дю», но никогда сим правом не пользующаяся.

Адрес должен быть соответствующий. Небось Лувр или Пале-Рояль...

Нет, «чуть» скромней – бульвар Сен-Мишель. Надо же, даже не Вожирар с Люксембургским дворцом. Явно поскромничал... Хотя Сен-Мишель – обратная сторона Люксембургского сада.

Два письма оказались пустышками, так... обмен сплетнями двух подружек XIX века, а вот третье...

Во-первых, оно было запечатано восковой печатью. Может, не стоит открывать, лучше в следующие выходные вернуть письмо продавцу, печать это серьезно, если она настоящая, значит, письмо не вскрывали. Стало смешно, это не XIX век, откуда настоящая печать?

Перевернула четырехугольник той стороной, где имя адресата, и стало не по себе. «М-ль Анне дю Плесси»... то есть... мне?!

Я вполне могла предположить, что тот тип способен подделать бумагу, чернила, почерк, печать... Но откуда он узнал имя?!

Господи, какая дура! При чем здесь мое имя, это просто совпадение.

Интересно, кто написал моей полной тезке непрочитанное ею письмо?

Рассмотрев печать, рассмеялась: все старания укрыться от приятелей пошли прахом. Печать гласила: «Арман Жан дю Плесси». Меня просто выследили и «купили» необычным подарком. Для тех, кто не слишком увлечен историей Франции времен Ришелье: Арман Жан дю Плесси вообще-то и есть кардинал де Ришелье, именно так его звали в молодости и, наверное, домашние.

Кто же из веселых друзей скрывался под этой буффонадой на рынке – Жан, Леон, Мартин или вообще толстяк Луи?

– Ну, погодите, я вам покажу!

Повертела письмом в воздухе, пытаюсь придумать, что с ним сделать. Ничего путного не придумав, решила просто вернуть. Придется воспользоваться обыкновенной почтой, извините, мсье.

Но и адрес какой-то непонятный, ладно, прогуляюсь сама, благо от дома недалеко. Сен-Мишель это по ту сторону Люксембургского сада, пройти вдоль которого просто приятно... Хорошо, что не вскрыла письмо, у приятелей не будет повода надо мной посмеяться из-за доверчивости.

Даже после всех приключений я ничуть не жалею, что отправилась по адресу на визитке. Куда? Нет, не стоит описывать этот особнячок, может найтись немало желающих проверить, так ли там все, как рассказано, и жизнь его обитателей превратится в кошмар. Поверьте на слово.

Если честно, чувствовала себя довольно глупо, когда нажала кнопку звонка большущей двери. Но открывшая дверь пожилая дама удивлена не была:

– Мсье де Ла Порт? Вам туда, пожалуйста.

Словно так и нужно, словно каждые пару часов кто-то забегает на чашечку кофе к этому мсье.

Но деваться некуда, отправилась по длинному коридору искать табличку на двери (как было указано приветливой дамой). Что же за аферу придумали приятели? Табличка нашлась на последней двери, но когда я открыла, то оказалась... во дворике. В VI округе Парижа крошечные дворы, куда на первые этажи не заглядывает солнце, не редкость. Пока раздумывала, не вернуться ли, заметила такую же табличку на двери флигелька.

Она гласила, что именно здесь живет мсье де Ла Порт. Ладно, если уж я у цели, нужно отдать письмо. Несомненно, там меня ждет веселая компания, «раскусившая» мою аферу с отъездом и надеющаяся посмеяться, а вот я посмеюсь над ними.

А дальше начались те самые приключения с продолжением, расскажи я кому-то о которых, подняли бы на смех, потому что никакой компании моих весельчаков там не было.

В помещении, представлявшем собой нечто среднее между библиотекой со стеллажами до потолка и большущей приставной лестницей и лавкой антиквара, где всякой всячины по штуке, меня ожидал Арман де Ла Порт.

Встретил как старую знакомую:

– Появились вопросы? Я ожидал, – но, увидев нераспечатанное письмо, недовольно передернул плечами, – а почему не открыли? – Вообще-то, я не читаю чужих писем... – Оно вам.

– Мне?

– Да, на нем ваше имя.

– От Армана Жана дю Плесси?

– Верно.

– Из XVII века?

Кивок.

– От кардинала де Ришелье?

И снова кивок!

– Ну, так верните его кардиналу, скажите, что не нашли адресата в этом сумасшедшем XXI веке. – Если честно, мне начал надоедать розыгрыш. Не смешно.

Словно подслушав эти мысли, де Ла Порт покачал головой:

- Это не розыгрыш, и я вернуть не могу. Можете только вы. Если решитесь.

- Что я могу?

- Анна, вас не удивляет ваш собственный интерес к Парижу XVII века?

- А что в этом удивительного, разве мало тех, кто зачитывается книгами Дюма и обожает Париж мушкетеров? - Почему-то в ту минуту я забыла о розыгрыше и видела перед собой только этого странного человека явно в парике и наклеенной бороде и усах. Его глаза кого-то напоминали, но не приятелей. Наверное, актер...

- Хотите побывать в настоящем Париже времен кардинала Ришелье? Вы ведь с ним да-альние родственники?

- Вообще-то, на Земле все родственники.

Он не обратил внимания на ехидное уточнение.

- Так хотите или нет?

Я только пожала плечами, собираясь уходить, но длинные тонкие пальцы коснулись моей руки и сделали приглашающий жест:

- Посмотрите, только не делайте резких движений и ничего не произносите громко.

Де Ла Порт подошел к небольшой двери, осторожно открыл её и... кино? По ту сторону двери была другая, совсем другая жизнь. Там дамы и кавалеры исполняли какой-то сложный танец, выступая рядами, поворачиваясь, слегка подсакивая или раскланиваясь. Паванна? Похоже, она...

Парадный танец, открывающий балы XVII века, скорее шествие, чем собственно танцевальные движения в нашем представлении. Кавалеры при шпагах, юбки дам имеют шлейфы, пусть не длинные (чтобы не наступали), но весьма вычурные. Повороты, поклоны, снова повороты, демонстрация нарядов и своей

грации. В первой паре король или самый важный гость, за следующие места закулисная борьба, почти битва... Музыки не слышно, но и без звука ощущалось присутствие многих людей.

- Руку протянуть туда можно, но пока не шагайте.

Я действительно вытянула вперед руку. Нет, там не было экрана, там и впрямь была иная действительность. Безо всякого дрожащего пространства, без расходящихся кругов, мои пальцы пересекли эту границу, ничего не почувствовав, но!.. Стоило запястью оказаться по ту сторону, как произошло нечто невообразимое.

На этой стороне моя рука была в тонкой трикотажной кофточке, а по ту... в кружевах! Причем я шевелила пальцами и понимала, что это моя рука!

Испугавшись, дернулась и едва не упала, Арман поддержал. Над ухом раздалось:

- Париж, 1641 год. Что вы об этом помните?

- Заговор Сен-Мара? В следующем году умрет Ришелье, а еще через полгода король Людовик XIII...

По ту сторону паванну, видно, сменила гальярда, движение в зале ускорилось, лица повеселели, бал продолжался... - Все верно.

Он спокойно отодвинул меня в сторону, и дверь закрылась.

- А теперь о деле. Не думаете же вы, что я поджидал вас на Ле Пюсе и заманил сюда, чтобы показывать фокусы с дверью в прошлое?

- Чего вы от меня хотите?

Если честно, стало жутковато, я понимала, что столкнулась с чем-то неведомым и даже опасным.

- Присядьте и послушайте. Кофе?

- Да, пожалуй.

Пока заваривался кофе, сам Арман присел на угол большого барочного стола, и то, как он это сделал, выдало современного человека. Значит, наряд и окружающая обстановка лишь антураж, чтобы меня испугать? Но как же тогда кружева на руке?

- Вы мне нужны для выполнения некоего задания. Я искал и вычислял вас долго, вас интересует Париж времен кардинала Ришелье, мы предоставим возможность там побывать, но за это нужно кое-что там сделать.

- Побывать? Значит, оттуда можно вернуться?

- Да, я могу открыть эту дверь трижды в ту и другую сторону. То есть вы трижды сможете пересечь границу туда и обратно, правда, если сделаете то, что от вас требуется.

- А если не сделаю?

Арман спокойно пожал плечами:

- Останетесь там.

- Вы так спокойно об этом говорите?

- А почему я должен переживать, это же вы останетесь, а не я?

Я злилась, и чем дальше, тем сильнее. Если он будет разговаривать таким тоном, то не лучше ли послать это к черту? И вообще все слишком подозрительно.

И все же любопытство взяло верх.

- И что я там должна сделать?

- Сорвать заговор Сен-Мара.

Я замерла, а потом рассмеялась немного злым смехом:

– Заговор Сен-Мара благополучно провалился, что вам, несомненно, известно.

Глаза Армана стали насмешливыми, он всего лишь развел руками, оставляя мне самой додумывать недосказанное.

– С моей помощью?

– Или чьей-то другой, – снова усмехнулся змий-искуситель.

Вспомнились обстоятельства нелепого заговора и бесславный конец Сен-Мара, и я усомнилась:

– К чему вообще такие жертвы? Кардинал при смерти, ему осталось жить меньше года, король тоже при смерти. Даже если бы заговор увенчался успехом, что это изменило?

– Во-первых, вы должны понимать, что малейшее изменение в прошлом ведет к изменениям в будущем. То есть мы с вами находимся в том будущем, которое состоялось после вашего пребывания там, – он кивнул в сторону закрытой двери.

– Или не пребывания.

– Или не пребывания. Во-вторых, если бы Ришелье убили раньше, он не успел оставить вместо себя Мазарини, а его враги распорядились бы Францией иначе и вряд ли с толком. Могу напомнить, что в таком случае у Франции едва ли был бы её Король-Солнце, поскольку регентом оказался Гастон Орлеанский, брат нынешнего короля Людовика XIII, а не Анна Австрийская. Франция и без Людовика XIV?.. Итак, мадемуазель, не желаете ли взять судьбу Франции в свои очаровательные ручки? – Арман поднялся и отвесил учтивейший поклон, помахав в воздухе воображаемой шляпой.

Столь впечатляющая речь не могла не найти отклик в моем сердце. Франция без Короля-Солнце?! Ни за что!

– Сейчас? – я осторожно кивнула в сторону двери.

– Я могу дать вам время на раздумья до завтра, но не дольше. Подумайте, почитайте, только не романы, умоляю вас. А вообще, вам там помогут, потому не волнуйтесь слишком.

Я не выдержала:

– Кто вы?

– Арман де Ла Порт. Большого исполнительнице знать ни к чему.

Ах, исполнительнице?! Снова накатила злость. Я тебе покажу исполнительницу! Захотелось шагнуть к двери и самой распахнуть её этому... Арману на зло!

Но он предугадал мое желание и все с такой же бесившей меня усмешкой пояснил:

– Если вы откроете дверь сами или не вовремя, обнаружите за ней кирпичную стену...

При этом Арман сделал приглашающий жест в другую сторону – к выходной двери. Вот так, меня еще и выпроваживали безо всяких объяснений. Я все-таки задала еще один интересующий вопрос:

– Но за пару дней я сорвать заговор смогу вряд ли, надо хотя бы найти Сен-Мара, чтобы укокошить его.

– Э, нет! Никого убивать там вы не будете. Ваше дело разоблачить, а не вершить правосудие. Что касается времени, будьте спокойны, год у вас будет.

– Да за год мои приятели, разыскивая меня, перевернут весь Париж!

– При переходе здесь и там время течет по-разному. Там год – здесь день. За сутки ваши приятели не перевернут Париж? Кстати, не вздумайте никому рассказывать о том, что увидели и услышали.

Я фыркнула, разговаривает со мной, как с глупой девчонкой. Явно женоненавистник. И вдруг сообразила:

– А если я там погибну?

– Погибнуть там вы не можете. Вы родились в этом времени, здесь и умрете. Надеюсь, своей смертью, в глубокой старости и будучи окруженной многочисленными внуками и правнуками.

– То есть в том времени я бессмертна?

Сказала просто чтобы что-то сказать. Все произносимое и услышанное было полным бредом и смеха не вызывало.

Он спокойно кивнул:

– Увы, это так. Вам сюда, – он показал мне второй выход из дворика не через дом, а на другую улочку. – Если решитесь, завтра тоже придете отсюда.

– Меня нельзя было и сегодня направить через этот двор?

– А вы нашли бы? – насмешливо фыркнул Арман. – До завтра или прощайте?

– Не знаю! – огрызнулась я, уже не в силах соблюдать правила приличия.

В ответ раздался все тот же приводящий меня в бешенство насмешливый смех...

Я разозлилась бы сильнее, если бы не испытала шок, обнаружив, что стою на улице... Вожирар! Даже головой потрясла, пытаюсь очнуться, осторожный щипок за руку подтвердил, что не сплю, удавшаяся попытка прочитать вывеску – что в своем уме, уличное движение – что я в Париже XXI века.

Все остальное казалось бредом. Меньше часа назад я вошла в дом на бульваре Сен-Мишель по ту сторону огромного Люксембургского сада, после этого самое большее, что пересекла – коридор в доме и крошечный дворик, и вот теперь стояла на улице Вожирар, то есть по другую сторону Люксембургского сада! Для тех, кто пока не бывал в Париже: бульвар Сен-Мишель и улица Вожирар

находятся не просто по разные стороны большого Люксембургского сада, их разделяет километр!

Только что я общалась со странным типом, моя рука явно побывала в прошлом, но при этом не отвалилась, не болела и вообще не изменилась. На всякий случай осмотрела её внимательней. Нет, рука как рука...

Внезапно решив, что загадок и чудес с меня хватит, отправилась домой.

Какого черта?! Бред! Так и свихнуться недолго!

Бушевала до своего дома, кстати, он совсем рядом. Дома демонстративно включила телевизор, словно самой себе что-то доказывая, некоторое время пыталась его смотреть, поняла, что даже не помню, что именно показывали в предыдущую минуту, и бросила это занятие.

До позднего вечера так и не смогла ничем заняться. Вспомнила, что оставила то самое письмо у этого типа, настроение испортилось окончательно.

Покинув странный дом, я не могла видеть, как в комнату из другой двери вошла девушка, как две капли воды похожая на меня саму.

– Арман, я не понимаю, зачем нужно так злить человека? Никогда этого не могла понять. Вас же хочется просто ударить наотмашь.

В ответ раздался смех, но уже без насмешки, даже с горечью.

– Обрато дверь можно открыть только при сильной эмоциональной связи того, кто отправляет, и того, кто там. Это может быть сильная любовь, преданная дружба или... – Ненависть?

– Да. Подружиться по-настоящему мы не успели, вызвать горячую ответную любовь невозможно, да и не нужно, остается ненависть.

Чем она сильнее, тем дольше мне удастся держать дверь открытой.

- Почему же вы не сказали этого с самого начала?
- Вы думаете, тогда ненависть была бы более сильной?
- Поэтому не смогла вернуться Мари?
- Да, она перестала меня ненавидеть.
- И... я?
- И вы тоже...

Ночью приснился кардинал Ришелье, с которым я танцевала паванну, а еще король, целующий мне ручку! Причем это был Людовик XIV, а не XIII. Так и правда недолго свихнуться. Проснувшись, долго разглядывала свою руку, побывавшую «там», и вдруг осознала, что никогда себе не прощу, если не ввяжусь в эту авантюру.

Даже если опасно, если смертельно опасно вопреки всем рассказам этого Армана, я должна попробовать. Не побывать в моем любимом столетии, имея хотя бы призрачную возможность это сделать, непростительно.

Утром готовилась к выходу, словно на встречу с королем. А вдруг мне и впрямь придется с ним встретиться? Посмотрела портреты Людовика XIII, пришла к выводу, что он несчастный, разыскала портрет Сен-Мара, осознала, что понятие красоты со временем сильно изменилось, этого хлыща сейчас разве что пожалели бы... Еще порылась в материалах на тему, благо их у меня и в компьютере и на книжных полках видимо-невидимо.

Позвонила бабушке и подругам, наплела всем с три короба, сказала, что сдаю мобильный телефон в ремонт и два дня буду отсутствовать в Париже.

Арман де Ла Порт снова встретил меня безо всякого удивления, словно каждый день кого-то отправлял туда-сюда.

– Прежде чем вы сделаете этот шаг, я должен озвучить вам условия перехода и возвращения. Время здесь и там течет неодинаково, здесь день – там год. Так что, пробыв там двенадцать месяцев, вы вернетесь... надеюсь, вернетесь через сутки. Дольше тянуть не советую, дверь очень тяжело держать открытой. Максимум еще три месяца.

– Что значит, если вернетесь? Я могу не вернуться?

– Можете, и это худший для вас вариант.

– Почему?

Арман снова присел на краешек большого стола напротив меня.

– Слушайте внимательно и постарайтесь запомнить, хотя бы на десять минут выбросив из головы свои дурацкие мечты о мушкетерском веке.

Я снова начала злиться, внутри крепло желание открыть дверь и захлопнуть за собой, но только не туда, а во дворик, выходящий на улицу Вожирар. Мне показалось, или Арману это нравилось? Да, ему явно нравилось доводить меня до белого каления.

– Вы меня слушаете или витаєте где-то в облаках?

– Слушаю! – огрызнулась я.

– Сомневаюсь. Менять там что-то, кого-то убивать, травить или вообще серьезно вмешиваться в ход истории запрещено.

– Но я же иду срывать заговор Сен-Мара?

– А он что, состоялся? Нет, разоблачен, причем никто не знает, каким образом. Вот и сделайте это.

Арман встал, прошелся по комнате.

- Вы там будете не одна, встретитесь с человеком, который перешел и остался, потому что нарушил правило.

- И он там будет жить вечно?

- Она. Да, почти вечно. Вы родились в этом времени и умереть можете тоже только в этом, дожив свою нынешнюю жизнь до конца, потому там, - кивок в сторону двери, - вы бессмертны.

- Ого!

- Это не так здорово, как вам кажется. Я не хочу сейчас морочить вам голову, все равно не поймете. Либо объяснит Мари, либо я, если вернетесь. Запомните одно: как можно меньше ввязываться во все, что касается большой истории. Вы помогаете кардиналу Ришелье разоблачить заговор и возвращаетесь. Если очень понравится, то сможете перейти еще дважды. Вдолбите в свою светловолосую головку одну простую истину: там вы никто.

- Вы женоненавистник или блондиноненавистник?

- И то, и другое, но у меня нет выбора. Вы Анна дю Плесси, а значит, мне нужны вы.

Вот сволочь!

Мой разъяренный вид его ничуть не смутил, Арман продолжил, глядя на меня с насмешливым вызовом:

- Повторяю: там вы никто, старайтесь как можно меньше вмешиваться во все, что не касается задания, и сразу после его выполнения обратно.

- А если я не выполняю?

- Дверь будет закрыта.

- А если не по моей вине?!

– Я уже говорил и повторяю для блондинок: если Сен-Мар добьется успеха, то ваше тамошнее будущее будет иным, чем то, что есть здесь.

Переход сюда станет невозможен.

Если честно, я испугалась.

Арман просто фыркнул:

– Что, поджилки затряслись? С кем связался?! Вот сколько говорили, чтобы не связывался с блондинками!

Я в ответ взъярилась:

– В следующий раз выбирайте лысую!

– Надо же, и у блондинок бывают умные мысли?

Стало понятно, что или я немедленно отправлюсь в прошлое, или просто врежу ему и уйду домой.

– Открывайте свою дверь!

– Да, пожалуйста! Знаете, если у самой ума не хватит, прислушайтесь к советам той дурочки, что уже убедилась в моей правоте.

– Она блондинка?

– Нет, брюнетка, но вы все одинаковы. Слушайте меня внимательно: вы Анна дю Плесси, приехавшая из Пуату к родственнице – племяннице кардинала Ришелье Мари-Мадлен маркизе Комбале герцогине д'Эгильон. Все остальное поймете или подскажут. Что, уже запутались?

– Нет, открывайте!

– Когда перейдете, оглянитесь на дверь, чтобы потом не спутать её ни с какой другой.

Под мысленное «да пошел ты!» я шагнула в незнакомую комнату.

По ту сторону двери...

Это не была та бальная зала, в которой в прошлый раз танцевали паванну. Чья-то спальня, не слишком богатая, явно не королевская, но чистая и вполне сносная.

Но прежде зрения переход почувствовало обоняние, запахи были незнакомыми. Смесь приятных и неприятных. Я попыталась понять. Лаванда и еще какая-то трава, свечная копоть, дымок из камина, запах залежалых тканей и пыли...

Было еще что-то, сразу не понять, но я обратила внимание на свою одежду, поскольку ощущение оказалось непривычным, вокруг меня слишком много ткани, хотя это всего лишь рубашка. Сзади вдруг раздался шорох, словно падал какой-то большой занавес. Я резко обернулась – так и есть, это опустился, видно, подколотый гобелен, за которым взгляд едва успел уловить низ двери. Арман посоветовал посмотреть на вход с обратной стороны, что я и поторопилась сделать, отодвинув край гобелена.

Дверь как дверь, небольшая, словно в чулан, то есть обычная для квартир моего времени – метра два в высоту и с метр в ширину. Резная ручка, крепкие петли...

Едва успела вернуть гобелен на место, как в комнату уже через высокую дверь на другой стене вошла девушка, судя по белому передничку и такому же чепцу, служанка, в руках стопка чего-то белого – то ли постельное белье, то ли одежда.

– Мадемуазель Анна, вы уже проснулись? Давайте, я помогу вам умыться и одеться.

Вот те раз! О такой помощи говорил мне Арман? Неужели вот эта щебетунья и есть та, что поможет мне освоиться и выполнить задание?

– Герцогиня о вас уже спрашивала, сказала, как проснетесь, помочь вам и привести к ней. Я Бьянка, вы меня, конечно, не помните, мадам де Комбале приставила меня к вам.

Беспреданно щебеча, Бьянка помогла мне умыться, а потом принялась одевать.

– Ах, какая у вас нежная кожа! Без единого прыщика и пятнышка. А талия тонкая, мало кто может похвастать такой талией. Затянуть потуже?

Вообще-то, было уже достаточно туго, но я все равно храбро кивнула:

– Да, пожалуй.

Кто бы еще сказал, что я теперь должна делать? Арман все же мерзавец! Забросить человека в XVII век, ничего толком не объяснив! Сорвать заговор Сен-Мара... где этот Сен-Мар, как к нему пробиться, и вообще, как жить в этом неведомом мне мире?

Я просто услышала насмешливый голос Армана: сама напросилась...

А вот выживу! Сейчас попрошу помощи у этой Бьянки и справлюсь.

Но ничего спросить не успела, Бьянка помогла обуть туфельки и, довольная результатом своих стараний, объявила:

– Хоть на бал! Вы красавица! Пойдемте, вас герцогиня ждет.

Жесткий корсет (хотя потом оказалось, что это вовсе не жесткий, а так себе – повседневный) стянул туловище, вокруг колыхалось несколько юбок, надетых одна на другую, тонкие туфельки ловко охватили ступни, на плечах шаль, вокруг шелест шелков... Я в XVII веке!

Идти недалеко, мы немного прошли по коридору и пересекли большую приемную. Потом я поняла, что и приемная тоже небольшая, это Малый Люксембург, а не Лувр или Пале-Рояль, вернее, тогда Пале-Кардиналь.

В ответ на легкое поскребывание из-за высокой двери раздался женский голос:

– Войдите.

Бьянка шагнула первой, сделала легкий книксен (черт, а как в те времена называли маленькое приседание?) и сообщила:

– Мадам, вы приказали привести мадемуазель Анну, как только она будет готова.

– Да, пусть войдет.

Я тоже присела, не слишком старательно, боясь поднять глаза на герцогиню глаза. Что я ей буду отвечать, ведь пока с Бьянкой обходилась односложными ответами: да и нет.

Мгновения, пока герцогиня разглядывала меня, показались вечностью. Я её тоже разглядывала из-под опущенных ресниц, а еще в большом венецианском зеркале в ажурной раме. Я читала о герцогине д'Эгийон, которую чаще называли мадам де Комбале, но во всех описаниях она пухлая блондиночка, весьма озабоченная тем, чтобы не упустить своей выгоды от близости с всемогущим дядей – кардиналом Ришелье, а передо мной сидела женщина, скорее, итальянского типа красоты. У этой герцогини было довольно узкое лицо, опущенные вниз уголки больших глаз, нос с заметной горбинкой, как у кардинала, и темные волосы.

Герцогиню подменили или Арман в чем-то ошибся? А если он вообще отправил меня не туда и я не в Париже времен Ришелье, а ... бог знает где? Твердо решив в таком случае убить Армана после своего возвращения, я с ужасом поняла, что именно разглядывает герцогиня – лак на моих ногтях! Он светло-розовый, если не приглядываться, то не заметишь, но он был!

– Довольно. Оставьте нас, мы поговорим с племянницей.

Это не мне, служанки, завершив последние штрихи в наведении красоты своей госпожи, бесшумно удалились.

Мадам де Комбале сделала мне знак приблизиться.

– Как здоровье дядюшки Антуана?

Вот что я могла ответить, что представления не имею, кто он такой и жив ли вообще, а не только кашляет или нет?

– Как всегда, благодарю вас.

– А тетушка Мадлен по-прежнему чихает от табака, распугивая голубей на соседних крышах?

Не хотела бы я оказаться рядом с этой тетушкой во время чиха.

– Голуби просто перестали садиться на кровлю, заметив тетушку рядом, герцогиня. Так безопасней для птиц.

– О! – Она оглядела меня с ног до головы, усмехнулась и продолжила: – А ваш кузен Анри все так же не пропускает ни одной красивой мордашки в округе?

Я поняла, что от кузена Анри приличным мордашкам следовало держаться подальше, и скромно потупилась:

– Но, мадам, он обещал исправиться... – Как обычно?

– Как обычно.

Она откинулась на спинку кресла, с интересом разглядывая меня.

– О ком вы сейчас мне так вдохновенно ввали? Дядюшка Антуан умер лет пять назад, тетушка Мадлен никогда не нюхала табак, а кузен Анри погиб на дуэли в позапрошлом году, хотя дуэли давно запрещены.

Желание придушить Армана собственными руками крепло с каждой минутой.

– Покажите мне ваши руки.

– Что? Простите, мадам, я не успела привести их в порядок... – Руки!

Разглядывая мой маникюр, герцогиня вдруг рассмеялась:

– Слава богу! Я думала, что это никогда не произойдет. Сознайтесь, минуту назад вам очень хотелось придушить Армана?

Я вскинула на нее глаза и призналась:

– И сейчас хочется.

Вот кто должен мне помочь освоиться и выполнить задание. Боже, какое счастье, что это не ловкая, но болтливая служанка Бьянка, а почти всемогущая племянница полностью всемогущего кардинала.

Позже я поняла, что никого всемогущего в этой Франции нет, разве только сам Господь, но он всемогущ везде. Все от кого-то зависели, тот же кардинал от короля, а король от кардинала.

Герцогиня д'Эгийон сделала мне знак, чтобы я повернулась вокруг своей оси: – Медленно, я должна посмотреть... Она явно что-то прикидывала.

– Мадам, – я осмелилась задать вопрос, – какой сейчас год?

– Он и это не сказал? Узнаю Армана, он неисправим. Осень 1641 года. Но об этом потом. Сначала о том, как вы выглядите и как себя ведете, потому что все может сорваться из-за одного только лака на ногтях. А потом поговорим, зачем вас прислали.

– Сорвать заговор Сен-Мара.

Герцогиня задумалась, глядя в окно.

– Вот оно что... Да, этот глупец вполне может устроить что-нибудь этакое. Хотя не понимаю зачем? Кардинал болен, король тоже, обоим осталось совсем

немного, могли бы и подождать.

Я удивилась, неужели она не знает, что может измениться, окажется этот заговор успешным? Уже открыла рот, чтобы объяснить, но герцогиня сделала останавливающий жест:

– Потом.

Глаза блеснули любопытством:

– Как ваше настоящее имя?

– Анна дю Плесси. Я из Ньора.

Герцогиня чуть поморщилась:

– Надеюсь, вы быстро учитесь. Запоминайте: это о себе вы можете сказать «Анна дю Плесси», если о ком-то другом, например, я о вас, то только «госпожа дю Плесси». Вы не служанка и не простолюдинка, потому без имени, пожалуйста. В Париже и у слуг есть фамилии. А обращение по имени – признак фамильярности, это возможно только неофициально и только между хорошо знакомыми людьми.

– Благодарю, я запомнила.

– Главное – запоминайте титулы. Ошибетесь в имени – простят, посчитав просто глупой, ошибетесь в титуле – наживете врага. Если не помните, лучше сказать «госпожа» или «господин». Но даже при этом предпочтительней фамилию согласно титулу. Я маркиза де Комбале, но мне пожаловано герцогство и пэрство, потому лучше герцогиня д'Эгийон. Если бы на моем месте был мужчина, можно проще: герцог Эгийонский. Без добавки вроде маркизы фамилию даже с «де» не произносить, де Комбале нельзя, маркиза де Комбале можно, вы поняли?

– Да, мадам.

– Уже лучше. Мой вам совет: побольше молчите и слушайте, поменьше говорите, особенно болтайте. Здесь у всего есть уши и глаза, верить никому и ничему не

стоит, а секреты поверять особенно.

- Вы меня обрадовали, герцогиня.

- Получилось некрасиво и фамильярно. Лучше сказать «мадам». «Вы меня порадовали, мадам». По поводу кардинала, он не просто Ришелье, как вы привыкли, а кардинал де Ришельё. Будьте внимательны. Его Величество именует себя только во множественном числе, потому, услышав от короля «мы», не ищите кого-то с ним рядом. Это еще не Король-Солнце, но уже настоящая монархия.

Она встала рядом и оказалась невысокого роста. У меня возникло подозрение, что я со своим ростом чуть выше среднего буду числиться в рослых девицах.

- Мы еще о многом поговорим, но всему не научишь теоретически, старайтесь больше схватывать визуально и на слух. Выводить я вас пока не буду, это не вызовет удивления при моем образе жизни, привыкайте. Как надолго вас сюда «отпустили»?

- На здешний год, может, чуть больше.

- Постарайтесь не опоздать обратно.

- Но если я не успею... Если мы не успеем...

- Мне уже все равно, а вот вам надо постараться, если не хотите остаться здесь навечно. Пойдемте, я хочу завтракать. Катрин! - позвала герцогиня, и в двери тут же появилась симпатичная девушка.

- Слушаю, мадам.

- Завтрак.

- Все готово, мадам.

- Скажите Жаку, чтобы заложили карету, после завтрака мы прогуляемся. - И мне: - Посмотрите нынешний Париж. Забавное зрелище.

Зрелище и впрямь было забавным. Мой любимый VI округ – деревня деревней, невзирая на роскошный Люксембургский дворец и множество построек. За Сен-Сюльписом плотным облаком кружили голуби. Я усмехнулась: поистине Вьё Коломбье – улица Старой Голубятни.

Мне стоило больших усилий не глазеть по сторонам, как деревенщине. Было безумно интересно, словно я на съемках фильма о мушкетерах. Голубые плащи с крестами вызвали восторженный писк, сдержать который не удалось.

Герцогиня внимательно наблюдала за мной.

– Вот этого я и боюсь. Вы словно на театральном представлении. Арман забрасывает людей на год, не задумываясь, что за год едва ли можно освоиться, а не только начать действовать.

– Значит, я не первая?

Она усмехнулась:

– Конечно. Я вас за столетие столько перевидала...

– Вы здесь сто лет?!

– Хотите сказать, что я не похожа на столетнюю старуху? Но в том времени прошло всего три месяца. И там мне не намного больше, чем вам.

– А почему вы не вернулись?

– Об этом поговорим позже. У вас мало времени, постарайтесь поскорей освоиться. Если вам нужен Сен-Мар, значит, придется появляться в обществе, следовательно, нельзя допускать ошибок, которые могут привести к неприятностям. К тому же, вы уйдете, а мне здесь существовать...

– Я постараюсь.

– Итак, вы моя дальняя родственница, родители которой умерли. Воспитаны частично в деревне, частично в монастыре. Я потом скажу в каком, но будет лучше, если вы сумеете избежать расспросов о своей семье и предыдущей жизни. Сен-Мар не слишком умен, зато самодовольный Нарцисс. Его обмануть легче, но есть те, кого очень трудно. Ладно, постараемся с такими не встречаться.

С этого дня началось мое необычное пребывание в Париже XVII века. Я была безумно благодарна своей наставнице, хотя её высокомерие временами раздражало. Но без нее я бы провалилась в первый же день.

Шок на каждом шагу, даже не знаешь, что упомянуть первым.

На бульваре Сен-Мишель перед мостом на Сите нет знаменитого фонтана.

Площадь Отель-де-Виль все еще Гревская, но никакой гильотины на ней нет, есть просто виселица, плаха и место для костра (приятненькое ощущение).

Площадь Дофина не похожа сама на себя, вернее, на ту, которую знаю я.

Площадь Вогезов зовется Королевской, потому что на ней стоит конная статуя Людовика XIII, которую кардинал Ришелье приказал водрузить, чтобы настрашать любителей устраивать кровавые дуэли на этой площади; хитрец, дуэль в присутствии короля наказывалась вдвое строже, но это не испугало самых отчаянных, они просто стали убивать друг друга на других площадях.

Перечислять можно бесконечно, но я прислушалась к совету своей наставницы (что бы я без нее делала?).

Наблюдая, как тихонько ахаю по поводу всего непривычного, Мари усмехнулась:

– Я еще застала на месте Вожирар каменоломни... а на месте Тюильри пастбище для овец и скотобойню...

Я ужаснулась:

– Вы так давно тут?!

– Со времен Екатерины Медичи, но об этом лучше не вспоминать. Вам и без того будет трудно не выдать своих мыслей. Пока это можно списать на изумление девушки из провинции видами столичного города, но все же привыкайте держать себя в руках и попробуйте запомнить, что уже существует, а чего еще нет.

Вокруг барокко. В фигурах сплошной Рубенс, а значит, ожирение и целлюлит. Целлюлит скрыт под одеждой, но не сомневаюсь, что он есть, ожирение второй, а то и третьей степени просто режет глаз. У дам дебелые тела выпирают из декольте, все пухлые, как на подбор, поголовно у всех красавиц двойные подбородки!

Мужчины более стройные, потому что верховая езда, охота, необходимость заниматься упражнениями со шпагой, дуэли запрещены, но все равно происходят, к тому же существует такая забава, как война, все это хоть как-то держит их в форме.

Толстых мушкетеров просто не видно (может, мне не встречались?). Объяснение Мари прозаично:

– Они же нищие. На хлебе и воде не разжиреешь.

У меня шок:

– Кто нищий, мушкетеры?

– Вы вообще что читали, кроме Дюма, дорогая? Но даже у Дюма, что помимо дыры в кармане и рекомендательного письма имел его герой? Если бы у мушкетеров были деньги, они не питались в таких местах, как «Зеленый лис» на Вьё Коломбье.

«Зеленый лис» настоящая помойка с пьяным посетителем у дверей, которому никак не удавалось освободить желудок настолько, чтобы, наконец, перестало тошнить. Изнутри доносились гогот и непристойные шуточки.

У меня шок и желание бежать подальше, правда, не обратно в свое время, а в чистенький, вылизанный Малый Люксембург. Сто лет пребывания в средневековой Франции не отучили Мари от привычки мыться и содержать дом в чистоте. Половина слуг заняты тем, что моют, стирают, приносят и выносят воду. Внутри шевельнулось чувство благодарности к Арману, не швырнувшему меня в служанки кабаре «Зеленый лис», а все же отправившему под крылышко к Мари.

Герцогиня учила и учила:

- Забудьте половину из того, что читали и видели в фильмах. А еще лучше вообще все, кроме фактов. Лгут и писатели, и режиссеры.

- Чему же верить?

- Глазам, ушам и мне. Король Людовик невыносимый меланхолик, трудяга и чистюля. С детства грустил по поводу несовершенства мира, грустит и ныне. В кого удался, непонятно. Отец один из самых беспокойных королей Франции Генрих IV, мать Мария Медичи не угомонилась даже будучи изгнанной. Братья и сестры на месте и часа не усидят без интриг и заговоров, любовники и любовницы в очередь встают, а этот...

Похоже, маркиза де Комбале не слишком жалуется своим уважением короля?

- У Гастона Орлеанского без интриги ни дня, у герцогов Вандомских очередь из любовниц, у самого короля Анри фаворитки рожали наперегонки с королевой, а Его Величество с фаворитками умные разговоры ведет или вон Сен-Мара ублажает.

- Он... голубой?

Я надеялась, что герцогиня помнит, что это такое.

- Не знаю, возможно. Но две сумасшедшие привязанности, одна из которых сбежала в монастырь, а вторая предпочитает ссылку обществу короля, а теперь вот этот Нарцисс... Не завидую королеве.

– Вы ей сочувствуете? Мне казалось, что ваш дядя кардинал ненавидит Её Величество... Или все...

– Дюма начитались? Ни ненависти, ни любви. Это смешно. Как и противостояние короля и кардинала. Я переходила в другой век, а потому описания нынешнего помню не так уж хорошо, но Дюма читала. Как и ужастики о страшной грязи и вони, якобы присущие этому веку.

Я хотела сказать, что так и есть, но герцогиня меня опередила, насмешливо фыркнув:

– Грязь всегда была и всегда будет! Вернее, всегда будут те, кто любит или не любит мыться. Просто в этом веке вторых больше. Король чистюля, у него ванна каждый день, правда, по утрам, а не перед сном. Многие придворные принимают ванны достаточно часто, но попробуйте не подхватить вшей или блох, если бываешь во дворце. Или попробуйте, подхватив, их вывести. И еще один совет: не жаловаться на свои болезни.

– Почему?

– Сейчас есть два средства: клизма и кровопускание. И то, и другое до тех пор, пока больной либо не выздоровеет вопреки лечению, либо не помрет после него же. Есть еще ртуть, но это не лучше. Вам оно нужно?

На прогулке возле Лувра:

– Смотрите, вот объект вашего воздействия Анри герцог де Сен-Мар.

«Объект» сначала приветствовал издали, изобразив поклон, впрочем, не слишком низкий и заковыристый.

– Что скажете? – глаза Мари насмешливо блестели.

– М-да... красив, как Нарцисс, но сразу видно, что настолько же в себя влюблен.

– Вы правы. Если бы его не разбаловали вниманием с раннего детства, мог бы выйти толк. Он очень неглуп, но дурак!

Вот тебе.

– И зря смеетесь. Можно быть умным дураком, наш король тоже таков, только дурасть иной направленности.

Договорить не успела, герцог де Сен-Мар подошел к нам.

Изысканный реверанс, белое страусиное перо шляпы подмело дорожку парка, я подумала, что еще пара таких встреч и перо приобретет серый цвет. Бедные страусы.

– Герцогиня, добрый день. Ваше появление здесь редкость, вы почему-то предпочитаете Люксембургский сад.

– Потому что он чище и приятней, – спокойно отрезала Мари. – Велите своим садовникам почаще выгребать грязь из кустов, и у вас будет чисто и приятно.

Пока она щебетала, я разглядывала Сен-Мара. Да, красив, но той глупо-капризной красотой, которую я терпеть не могу. Не люблю Аполлонов с по-дамски надутыми губками. Странно, широко расставленные глаза считаются признаком недюжинности натуры, а у этого ума в широко посаженных глазах чуть. Только этакая усталость от всеобщего внимания и обожания.

У него роман с Марией де Гонзага. Какая дура смогла влюбиться в разряженного Нарцисса, как кошка? Странно... Может, он прикидывается или так себя вести мужчинам нынче можно? Я с мужчинами пока почти не сталкивалась, так сказать, лицом к лицу.

Мари вспомнила о моем существовании:

– Герцог, позвольте вам представить мою родственницу мадемуазель дю Плесси.

Поклон не столь низкий, перо землю не задело. Правильно, кто я такая, чтобы передо мной страусами дорожки мести?

– Мадемуазель...

– Герцог, – я, конечно, не присела «по полной», но выполнила реверанс прилично.

А что делать дальше – подать ему руку, как герцогиня, или обойдется? Если честно, было страстное желание сигануть за ближайший куст, но оттуда доносилось такое амбре, что желание быстро сошло на нет. Напротив, захотелось попросить герцога больше не махать шляпой в мою сторону, поскольку ветерок относил эту вонь в другую.

Мари тоже учуяла запах свежего человеческого навоза и поспешила откланяться:

– Надеюсь скоро встретиться с вами. Я много рассказывала о вас Анне, – она по-свойски кивнула в мою сторону.

Я вспомнила, что мне пора очаровывать этого самовлюбленного индюка, и старательно захлопала ресницами, памятуя, что они у меня черные и густые, это в сочетании с большими голубыми глазами и светлыми локонами, красиво уложенными ловкими руками Бьянки, должно произвести впечатление.

Произвело, герцог явно передумал покидать наше общество, заинтересованно разглядывая мою особу, что совершенно не входило в ближайшие планы Мари, она слегка коснулась опахалом рукава Сен-Мара:

– Герцог, вы будете...

В этот момент я, чтобы не встречаться с предметом моего воздействия глазами (нельзя же вот так сразу – встретились и в постель, я вообще не уверена, что мне туда хочется), очи скромно потупила, вернее, отвела в сторону и увидела за ближайшей скамьей присевшую по нужде, судя по запаху большой нужде, даму.

Дама ничуть такому подглядыванию не смутилась, напротив, её губы тронула приветливая улыбка. Пока я отводила глаза и от нее, прослушала, где же намеревалась встретиться с герцогом де Сен-Маром герцогиня д'Эгийон. Неважно, лишь бы там не было дам, делающих кучи за скамейками в парке.

Выразив полнейшее счастье от предстоящей встречи где-то там, герцог и герцогиня решили откланяться.

– Вас нельзя выводить сразу во дворец, не готовы. Попробуем салон маркизы де Рамбуйе.

Я едва не икнула. Оказаться в салоне маркизы де Рамбуйе?!

А Мари развеселилась:

– Умеешь очаровывать! Так похлопала глазками, что Сен-Мар растаял.

Она назвала меня на «ты»? Так я получила первый урок: когда герцогиня чем-то довольна, она фамильярничает со мной, когда недовольна – выкает.

Интересно, можно ли фамильярничать мне?

На всякий случай решила, что нет.

– Теперь посмотрим, насколько сильное впечатление произвел на него шорох твоих ресниц. Король в Сен-Жермене, Мария де Гонзага в своем дворце, а мы пойдем в отель Рамбуйе. Если герцог появится там хоть на минутку, значит, он на крючке.

– Господи, что я с ним должна делать дальше?

– Что делают со всеми мужчинами? Поморочишь голову так, чтобы, когда король выздоровеет и соберется в армию, Сен-Мар остался с тобой. А еще его нужно пригласить сначала в наш дворец, а потом в Пале-Кардиналь.

Я не сразу сообразила, что это Пале-Рояль.

– Чтобы скомпрометировать?

– Верно, если его сообщники узнают, что он бывал в Пале-Рояле, то перестанут доверять. Даже если в Малом Люксембурге. Я размышляла над этим, думаю, будет достаточно затащить его пару раз в постель у себя в комнате, а я постараюсь, чтобы об этом стало известно всему Парижу.

– Мари, вы так спокойно об этом говорите?! Это же не вам предстоит переспать с таким индюком. А если я не хочу?

Голос герцогини стал ледяным:

– Во-первых, для вас я не Мари, а герцогиня д'Эгийон, во-вторых, почему я должна переживать, в-третьих, если хотите вернуться, то будете делать все, что для этого нужно, а не то, чего хотелось бы!

Мои глаза в ответ заблестели бешенством:

– А если не буду?

Она расхохоталась:

– Предпочитаете здесь остаться? Не советую. Вы не знаете, через что прошла я, приняв такое решение. Арман не говорил вам, что тот, кто переходит сюда и остается, вынужден доживать до того дня, когда он перешел. То есть, останься вы здесь, будете жить больше трехсот пятидесяти лет. Но при этом не изменитесь внешне, поскольку там в нашей жизни пройдут всего месяцы, и будете делать все, чтобы своим вмешательством не изменить ход истории, иначе возвращаться окажется вообще некуда.

Я в ужасе замерла, осознав, в какую ловушку попала.

Герцогиня, видно, поняла мое состояние, коснулась опухавшей руки, голос зазвучал мягче:

– Анна, послушайте совет. Вы не первая и, боюсь, не последняя, кого я встречаю и провожаю по милости Армана, а я в свою очередь не первая, кто сделал глупость и не вернулся. Пока вы здесь, вы бессмертны, но это не означает, что можете жить, как захотите. Можно не сложить голову на плахе, но десятилетие

провести в Бастилии с крысами и навсегда заработать желтуху или оказаться в еще менее приятном месте. Выполняйте свое задание и возвращайтесь, а там забудьте о флигельке на улице Вожирар.

Ошарашенная, я молчала. Герцогиня вздохнула снова:

- Вам нужно просто стать фавориткой фаворита, капризной фавориткой, чтобы у него пропало желание заниматься заговорами.

- Но Сен-Мара казнили на Гревской площади вместе с де Ту...

- Графом де Ту, - машинально поправила Мари.

- ...за участие в заговоре и договоре с испанцами.

- Тебя бы сделать фавориткой короля и Сен-Мара одновременно, вот тогда он казнил бы своего Главного что с договором, что без.

- Ну, спасибо.

- Ты возвращаться собираешься?

Я собиралась, и как можно скорей, и пыталась решить для себя, не слишком ли велика плата в виде постели с Сен-Маром и королем за это возвращение. Вдруг стало смешно:

- А если он казнит не своего любимчика, а меня?

- Король с дамами не воюет, в худшем случае отправляет их в ссылку, как свою матушку. К тому же тебя казнить невозможно.

- Или сажает под замок в Венсенский дворец.

- Угу, или в Венсенн. Тогда будем искать другие пути сорвать договор, но предложенный самый безопасный. Твое дело очаровать Его Величество и фаворита Его Величества, скомпрометировать Сен-Мара передо всеми и вовремя

смыться. Тебя перевели в реально существующую женщину, не знаешь?

- Не знаю.

- Арман козел! - неожиданно выругалась Мари.

- Козлятина! - поддержала её я.

- Осёл!

- Ослятина! - редкое единение во мнениях обеим заметно подняло настроение.

- Слушай, вернешься, дай ему по физиономии от моего имени.

- Обязательно. И от своего тоже. А как случилось, что ты осталась?

- Не успела обратно вовремя. Когда-нибудь расскажу.

Я рассмеялась. Мари испугалась:

- Что?

- Послушал бы кто беседу двух дам. Чем опять воняет?

- При дворе всегда воняет одним: дерьмом. Что снаружи, что изнутри.

Пришлось согласиться с опытной Мари, ей видней.

Мы репетировали и репетировали...

Присесть... поклон... ручку... снова присесть...

Голову налево... налево, я сказала, а не направо!

Господи, какая разница, куда я поверну голову? Но герцогиня была беспощадна.

- Улыбку, Анна! Да не оскал, а милую улыбку, очаровательную.

Я улыбалась, как можно приятней.

- Рот закрой!

- Но он закрыт, я только показала зубы.

- Я это и имею в виду. Зубы не показывай!

Вспомнив свой ряд очень приличных отбеленных зубов, я почти обиделась. На других бы посмотрела! Я уже поняла, что к сорока ни у кого из дам нормальных зубов нет, одни пеньки торчат.

- Анна, здесь улыбаются, лишь приподнимая уголки губ, никто не показывает своих зубов, потому что они черные или редкие. Не демонстрируй свои, не стоит.

- Потому у всех губки бантиком и улыбки, словно у хитрых лисиц?

- Неважно как, не дразни своими белоснежными зубками, наживешь врагов.

- Господи, все нельзя: красивой быть нельзя, здоровой быть нельзя, чистой быть нельзя, умной быть нельзя!

- Умной можно. И красивой тоже, только тебе это не грозит, голубых глаз и правильных черт лица мало, ты не вписываешься в нынешнее понятие красоты.

- Конечно, я не булка из печи.

- Да, ты худышка. Нужно поправиться килограммов на двадцать.

- Что?! Никогда!

- Тогда ходи в умных дурнушках.

– И буду ходить.

Мы болтали, словно приятельницы в кафе в свое время. Было легко и просто, но Мари быстро все поставила на свое место:

– А как же Сен-Мар? Его не соблазнишь тощими ключицами. И короля тоже.

– Может, Сен-Мара получится соблазнить хлопаньем глазками или хотя бы скомпрометировать? А король любит вести платонические беседы, так, кажется?

– Его Величество любит. Две фаворитки сбежали – одна в монастырь, другая в ссылку. Только этот вариант тебе не подходит.

– Почему, думаешь, не смогу вести умные беседы?

– Сможешь, только король приступит к ним через полгода, он не любит торопиться с фаворитками, а времени у тебя в обрез. И перестань мне тыкать, я герцогиня!

Как меня пугали такие переходы! Слово два разных человека, никогда не знаешь, в какой момент взорвется. Я присела:

– Извините, герцогиня.

Да плевать я на нее хотела! Важная какая.

Герцогиня выискалась! Будто я не знаю, кто она такая в действительности.

Я-то вернусь, а ты останешься. Кукуй тут одна на ветке в ожидании следующей дурочки, перед которой можно будет герцогиню из себя разыгрывать.

Ушла к себе и в тот день пред светлые очи своей наставницы не показывалась.

Вечером она прислала ко мне свою горничную Катрин с платьем:

– Нужно подогнать.

Платье было красивым, богато расшитый серебром бархат серого цвета с отделкой серебристым же кружевом, огромный белый воротник, но не торчком, а разложенный по плечам, выполнен в технике «ришелье»... Наличие такого наряда означало, что мы завтра куда-то идем, но я принципиально не интересовалась. Даже тогда, когда герцогиня лично явилась посмотреть на результат.

Подгонка потребовалась, но платье ушили, а не расставили – моя талия оказалась тоньше корсета! Оставить бы так как есть для свободы движения, но Мари потребовала ушить и затянуть до одурения. Я решила, что это из мести.

Зато результат получился потрясающий!

Двигаться и даже дышать нелегко, но талия такая, что можно обхватить пальцами, грудь почти вся на виду, обрамленная кружевом, спина поневоле прямая (китовый ус не мягче металла), при малейшем движении шелест шелков нижних юбок и колыхание кружева. Вообще холодно, вернее, холодно оголенными плечам и груди, многочисленные юбки тепло держат неплохо.

Большущий воротник лежит за плечами вне декольте, а мог бы согреть. С трудом преодолела желание поднять его и закутаться. Даже представила Мари при этом, вернее, герцогиню д'Эгийон.

Вот взбесилась бы!

Во время примерки молчала, только:

– Да, мадам. Хорошо, мадам.

Она не выдержала первой:

– Завтра едем к маркизе де Рамбуйе.

Вау!

Но это мысленно, вслух:

- Да, мадам.

- Обиделась?

- На что, мадам?

- Все ты понимаешь. Просто тебе нельзя говорить столь фамильярно, Анна, ты не привыкла к этой границе, выдашь себя с головой.

- Я буду молчать, мадам.

Снова взрыв:

- Молчат только идиотки! Ты должна говорить, но с толком. А будешь воображать, провалишься сама и провалишь меня.

Я в очередной раз пообещала себе удавить Армана после возвращения. Только бы дожить до такого светлого мига.

Светская львица из будущего

Особняк, или, как его называют, отель маркизы де Рамбуйе на Сен-Тома, очарователен. Светлый, нарядный, изящный. Только женская рука могла начертать такое, говорят, маркиза лично изобразила план будущего особняка. Было в то время Катрин де Вивон маркизе де Рамбуйе всего шестнадцать. Но юная красавица уже четыре года как являлась замужней дамой и матерью, по крайней мере, одной дочери – Жюлли д'Анженн, а вообще маркиза подарила любящему супругу шестерых дочерей и одного сына.

Яркий пример, что и во Франции XVII века, где брак считался предприятием чисто прагматичным и с любовью никак не связанным, скорее, напротив, этой самой любви препятствовал («женятся, чтобы ненавидеть друг друга»), можно

быть счастливой с мужем, любить и быть любимой.

Перед домом чисто, никакой вони из кустов (значит, можно не только в Малом Люксембурге?), слуги приветливы и услужливы, но без раболепия. Виват, Франция! Виват, Париж! Виват, маркиза де Рамбуйе!

Хозяйке по моим прикидкам за пятьдесят, она хороша тутошной красотой – статная, полноватая (как все), дебелая (как все), с пухлыми губками бантиком (результат отсутствия многих зубов, которые заменяют вставками из всякой дряни, отчего разговаривают странновато, удерживая эти вставки губами в полуулыбке), при этом живая и гибкая в талии.

Вот гибкость в талии местных дам оставалась для меня загадкой. Будучи втиснутыми в корсеты из китового уса и зверски зашнурованными, они умудряются в этих тисках совершать поистине грациозные движения.

Зашнуровать корсет самостоятельно невозможно, все крючки на спине. Расшнуровать тоже. Особо нетерпеливые кавалеры просто разрезают шнуровку корсетов своих любовниц, создавая потом невыносимые неудобства при обратном одевании, потому что без корсета в платье не влезешь.

Отсюда соломоново решение: когда любовь наспех, ничего не расшнуровывается и не снимается. Грудь и без того вся на виду, достаточно чуть поддержать платье вниз и бери её в руку. А юбки элементарно задирались вверх, и дама бралась стоя.

Раздевание только в своей спальне и только со своей горничной, во всяком случае, я не представляла, как можно просить кавалера шнуровать корсет, он же поймет, что вся изящная фигурка возлюбленной просто результат твердости китового уса. И собственную горничную с собой на рандеву не возьмешь.

Хотя нет, брали, и частенько. Всякие Жаннетты, Бьянки, Лизетты и прочие верные (или не очень) своим господам девушки терпеливо ждали в прихожих (или развлекались с такими же терпеливыми лакеями кавалера), пока влюбленная парочка тешилась объятьями друг дружки.

Когда корсет расшнуровывается, особенно у полных дам, каковых при дворе абсолютное большинство, тело просто расплывается, почувствовав свободу.

Конечно, талия остается тонкой, поскольку все привыкло быть в таком положении, но вокруг нее сплошная пышная сдоба с большим количеством дрожжей.

Рубенс не лгал, ни одну даму ветром не сносило, даже ураганным.

От размышлений о дородности окружающих красоток меня отвлек голос Мари, представляющей мою персону Катрин маркизе де Рамбуйе.

- Анну еще многое удивляет при дворе.

- Я полагаю, мадемуазель дю Плесси быстро освоится и не будет иметь отбоя от поклонников.

Я уже знала, как приветствовать маркизу, мы все отрепетировали, не приходилось ломать голову, мести ли пером собственной прически пол у ее ног или достаточно лишь мотнуть головой, смазав частью бывшего страусинового хвоста ей по лицу.

Я утрирую, герцогиня разрешила мне не вставлять страусиное украшение в волосы, чтобы действительно не попасть в неловкое положение, оставив кого-то без глаз или угодив им с соус в блюде напротив.

Ей-богу, носить эффектные украшения не так-то просто.

И еще одна радость – сегодня у маркизы не предвиделось застолья, обычно к ней собирались ради изящной беседы, а не набивания желудков.

Вообще, их тут всех можно пожалеть, живут не в лучших условиях, мы бы такие посчитали экстремальными.

Нужно иметь железное здоровье, чтобы выжить в этом XVII веке. Сквозняки такие, что перья со шляп сдувают. От камина жар, от двери тянет холодом, каменные полы ледяные, стены тоже. В комнатах духота невероятная, потому что в холодную погоду открыть окна, значит, выстудить помещение.

Не пахнут только восковые свечи, но они дороги, потому кроме приема гостей обходятся сальными, которые вонючие.

Канализации нет, все выливается, высыпается, выбрасывается прямо на улицы или из задней двери даже в Лувре. Пока прохладно, сильной вони нет, но что будет, когда наступит лето? Недаром все, кто может, норовят на лето уехать в загородные дворцы.

Туалетов нет, мыть ночные горшки ежедневно с песком никому в голову не приходит, потому в любой спальне воняет, сами понимаете чем. Нужду справляют, где придется, никакие ванны по утрам или вечерам, никакие протирания розовой водой или уксусом не помогают.

Мужчины меняют рубашки несколько раз в день, чтобы сверкали белизной, женщины не могут переодеваться так часто, чистюли меняют панталоны (счастливое изобретение Екатерины Медичи), но чистюль не так много.

В Лувр пускают кого попало, просто людей с улицы «прилично одетых». Зачем? Полюбоваться на жизнь королевской семьи. Народ толпится на лестницах, в вестибюлях... Дурь? Конечно, потому что не пройти, а еще с их «приличной» одежды просто сыплются вши, блохи и клопы. Хоть выметай после таких посещений. Что слуги и делают.

Неудивительно, что король не любит Лувр, ему милей укрытый от чужих взглядов Версаль. Большого дворца там пока нет, есть только дом, настоящий Версаль в будущем.

Сам король неприхотлив, рядом с ним придворные вынуждены терпеть. Те, кто удостоен чести ездить с королем на охоту, должны быть готовы спать на сене, пить воду прямо из ручья или вообще болота, проводить целые дни в седле или по колено в воде, есть что придется.

Но и тем, кто окружен заботой многочисленных слуг, тоже не стоит завидовать.

Тугие корсеты, высокие каблуки, стянутые прической волосы, к тому же завитые самым изуверским способом – нагретыми на огне щипцами. Какие волосы выдержат и останутся блестящими после такой «завивки»?

У многих дам от щипцов ожоги на шее и голове, которые замазываются всякой дрянью с содержанием цинка. В состав кремов входит перетопленный жир, от которого вони больше, чем от свечей. Из-за цинка в белилах на коже покраснение и прыщи, которые замазываются еще большим количеством белил.

Прическу делать долго, никакого лака нет, если расчешешь, завтра начинай снова, потому стараются не чесать.

Перечислять можно долго, услышав, что бедного короля Людовика до сих пор поят вином с добавлением отвара щавеля и пырея (фу, гадость!), я недоумевала:

- Почему?!

Но у короля непроходящий энтероколит и прочие желудочно-кишечные гадости, считается, что без пырея никак. При этом во время охоты никто не запрещает пить воду из болота, зачерпнув её собственной шляпой.

Лекарства знают только одно: слабительное и кровопускание. Еще ртутные средства, но они уже стали выходить из моды, и слава богу.

Убеждения идиотские: врачи всерьез утверждают, что ежедневное мытье холодной водой может привести к развитию катаракты! Холодная вода иссушает кожу, а горячая ослабляет поры настолько, что сквозь них в организм могут проникнуть бактерии. Лучше не мыться, а протирать тело всякими настойками и уксусом.

Уксус к тому же пьют ради бледности кожи. Что будет с желудком, никого не заботит.

Король облысел от такой жизни уже годам к двадцати пяти, а то и раньше. Ввел моду на парики, их стали носить и те, у кого волосы не покинули головы. Теперь редко у кого на голове собственная шевелюра, к тому же так проще – бритая голова меньше чешется, на ней не водятся вши, она не потеет и не бывает ожогов при завивке.

Конечно, не у всех грязно, кто может, принимают ванны часто, пользуются розовой, лавандовой, шалфейной водой, притираниями, духами... Дамы готовят разные снадобья сами, смешивают с настойками из лилии, цветков фасоли, виноградной лозы или лимона... овечий жир и мажут этой, с позволения сказать, косметикой толстым слоем, но не на ночь, а с утра. Сверху слой оксида свинца (чтобы белоснежкой казалась) – и прощайся с кожей вообще.

Но какие ванны помогут против диареи при отсутствии туалетов? Вечная проблема...

Есть красивые и ухоженные дворцы и особняки, там, где слуги круглые сутки что-то моют и выметают, как вот этот у маркизы де Рамбуйе. Но и сюда на себе приносят кучи блох, ветер доносит дурной запах городских улиц и вонь нечистот, выплеснутых в воду Сены.

Как же еще далеко Европе до настоящей чистоты и принятия правил гигиены!

Мне изменять ничего нельзя – мы «в гостях» в XVII веке.

Хоть бы с собой блох не притащить...

От мрачных мыслей о неустроенной и не обученной правилам гигиены Европе отвлекло появление нужного нам гостя – герцога Сен-Мара.

Конечно, хорош – стройное тело ловко охватывает коричневый камзол, украшенный бриллиантовыми пуговицами, серебряным шитьем и широким кружевом. Зеленые штаны, широкие подвязки тоже с белоснежными кружевами, туфли с большими бриллиантовыми пряжками... Волосы завиты и уложены (или это парик?).

Герцог в салоне редчайший гость, реже, по-моему, только король или кардинал Ришелье (бывали ли вообще?). Присутствующие смутились, о чем говорить при герцоге, не знала даже хозяйка. Первой пришла в себя Жюлли д'Анженн, её дочь, провела в центр, усадила, принялась расспрашивать о делах, о Марии де Гонзага.

Сен-Мар, кажется, смутился, а еще он явно кого-то искал глазами. Моя Мари сообразила, мгновенно «случайно» оказалась рядом.

– Герцог, как хорошо, что вы почтили салон маркизы своим присутствием.

Дамы зашебетали, показалось, что большего счастья, чем видеть этого разряженного индюка в своем обществе, быть не может. И это умные женщины, только что со знанием дела рассуждавшие о достоинствах литературных новинок!

Я решила пока к герцогу не подходить, пусть его обхаживает маркиза де Комбале. Она задалась целью скомпрометировать Сен-Мара визитами в свой Малый Люксембург, а потом и в Пале-Кардиналь. Если еще и я прилипну, будет слишком бросаться в глаза. Присутствующие и без того удивлены – герцогиня д'Эгийон тоже не слишком частая гостя у маркизы де Рамбуйе.

Слишком много шокирующего тоже плохо, заподозрят неладное.

Совсем рядом раздался голос, от которого я замерла. Глубокий, завораживающий, из тех, за которыми можно пойти хоть на край света.

– Но, мадам, вы несправедливы. Он всего лишь глупец, а не чудовище. Приручите, и будет есть с руки и подбирать крошки у ваших ног.

Я осторожно скосила глаза, но обладателя голоса не разглядела.

Ответила дочь хозяйки Жюлли:

– Зачем? Не думаете же вы, что Сен-Мар является завидным гостем? Почему он вообще здесь, разве Главного интересует литература и Страна Нежности?

Пока я вспоминала, что Главным Сен-Мара назвали потому, что король назначил его сразу на несколько должностей с названием «главный...», карту Страны Нежности придумала одна из постоянных посетительниц салона мадам де Скюдерри, собеседники удалились. Жаль, я бы послушала этот голос, просто послушала, неважно, о чем он говорит.

Насмешливый тон, даже когда обладатель произносит простые слова, какая-то внутренняя сила, властность и мягкость одновременно. Мне очень хорошо знаком такой голос и такой тембр, я встречала подобное в своей настоящей жизни и была без памяти влюблена.

Осознав, что теперь буду разглядывать гостей, пытаюсь понять, кому может принадлежать голос, я усмехнулась: пришла очаровывать Сен-Мара называется.

Легок на помине, подошел с герцогиней:

- Мадемуазель, что вы прячетесь в уголке, вам тоже неинтересно?

Хотела спросить, почему тоже, но сказала иное (вот оно дурное влияние светских правил этикета - не говорить, что думаешь):

- Я пока привыкаю, мсье. Неопытной провинциалке, - хлоп, хлоп глазками, - трудно сразу постичь все премудрости общения приятного общества. Вот если бы у меня был наставник в этом таинственном и чудесном мире...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/natalya-pavlicheva/favoritka>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)